

В.В. Козловский, Р.Г. Браславский

ОТ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИИ К ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ РОССИИ: ТВОРЧЕСТВО И.А. ГОЛОСЕНКО*

В драматической истории социологии в советский период особую роль сыграло поколение шестидесятников, к которому принадлежал Игорь Анатольевич Голосенко (1938–2001). Его сочинения по истории отечественной социологии, в особенности дореволюционного периода, несомненно, дадут мощный импульс развитию методологии, истории и исследовательским практикам российской социологии.

Уже четыре года нет с нами Игоря Голосенко. Еще звучит ироничный голос, чувствуется пылливый взгляд ученого. И по мере того, как растет временная дистанция, становится все более ясным его вклад в развитие современной российской социологии. Мало кто так заинтересованно, так проникновенно работал над историей русской социологии. Вспоминается, как он настоял на том, чтобы оставить название учебного пособия, вышедшего в 1995 г.: «История русской социологии XIX – начала XX вв.» (Голосенко, Козловский 1995). Нам оно казалось тогда не совсем «политкорректным», однако Игорь Анатольевич считал, что оригинальная социологическая мысль неразрывно связана с родным языком ученого.

Мастерски изображая становление социологии в России, он понимал, что история социологии пишется по-разному. Если в «одних случаях выделяются важнейшие теоретико-методологические школы и направления, исследуется их оппозиция друг другу, “поединок идей”, или же напротив — их слияние и взаимооплодотворение, порождение в результате этого процесса новых идей, то в других случаях упор делается на биографическую детерминацию идей того или иного теоретика, историю научных идей, интерпретацию жизненной судьбы наиболее значимых персоналий» (Голосенко 2002: 15). Наконец, есть метод историко-социологического познания на основе изучавшихся социальных проблем, общественных процессов и институтов, разные методы их постижения и разрешения. Имен-

*Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), грант № 04-03-00334а.

но такой подход был избран Голосенко в зрелой стадии его творчества. Замысел ученого состоял в актуализации историко-социологического материала для современных социальных исследований. Поэтому столь большое место уделялось им библиографической работе. Свидетельство тому — подготовленная им сводка о социологической литературе в России, пожалуй, единственная в своем роде. В содружестве с В.М. Зверевым, обладавшим настоящей исторической и библиографической культурой, Голосенко скрупулезно и дотошно работал над историографией и библиографией русской социологии. Это была важнейшая часть его творчества, которая, по его уверению, обязательно должна стать настольным материалом любого профессионального социолога. Без знания текстов, наработанных предшественниками подходов, накопленных результатов, научное и тем более педагогическое творчество бесплодно и бессмысленно. С его точки зрения, смысл исторического исследования всей палитры русской социологии, ее связей с зарубежной социологией состоит в том, что появляется прочная основа для последующих изысканий, для критики ложных гипотез и концепций, для формирования нового проблемного поля социальных наук.

Центром социологического творчества Голосенко является переход от традиции академической истории социологии к разработанному им историко-социологическому изучению России. Этот переход осуществился в течение последних 15 лет его исследовательского труда. С конца 1960-х до середины 1990-х гг. им был проделан глубокий анализ социологического наследия дореволюционного времени (Чагин 1978: главы 1, 7, 8, 11). Накапливался огромный библиографический материал, шла кропотливая работа по сбору, обработке и аналитике социологической литературы (Голосенко 1995).

На первом этапе своего творчества Голосенко придерживался традиционно-академического подхода: изучение отдельных школ и персоналий. Историю социологических идей Голосенко рассматривает в социальном, культурном и биографическом контекстах, выделяя национальную специфику их анализа. С его точки зрения, крайности интернализма и экстернализма преодолимы при сочетании сильных сторон этих аспектов. Он показывает, что русская дореволюционная социология представлена тремя теоретико-методологическими тенденциями: позитивизмом различных разновидностей, антипозитивизмом (в лице неокантианства и марксизма) и неопозитивизмом. Анализируя их сложные и противоречивые отношения, Голосенко выделяет свойственные им онтологические учения о способах и возможностях познать реальность и праксеологические учения о путях изменения ее в реформах и революциях.

Особенно ученый подчеркивает значение для историографии социологии таких важных моментов, как институционализация социологии (отношение науки и власти, появление специализированных научных учреждений, вхождение в систему образования, публикации и т. п.); появление эмпирических исследований и их влияние на деятельность теоретиков, интегрирующих многочисленные школы и течения как в рамках позитивизма или антипозитивизма, так и в более широком контексте мировоззренческого синтеза позитивизма и антипозитивизма, примером чего является «интегральная социология» П. Сорокина.

Анализ вклада отечественных предшественников в разработку проблем истории социологии позволил Голосенко говорить вслед за Н.И. Кареевым о су-

ществовании «русской традиции» историографии социологических теорий. Создавалась эта традиция, кроме упомянутого уже Кареева, усилиями М.М. Ковалевского, В.М. Хвостова, К.М. Тахтарева, Н.С. Тимашева и П.А. Сорокина. Всех этих социологов, принадлежащих к разным школам, объединяла попытка концептуального, номотетического, а не просто повествовательного, фактологического построения истории социологии.

Портреты российских социологов написаны Голосенко эмоционально, живо. В них ярко обрисована эволюция российской социальной мысли, спектр исследований которой был чрезвычайно широк. Российские социологи представлены и как пытливые исследователи разнообразных социальных проблем, и как аналитики социологического процесса. Образ социологии, по его мнению, может и должен быть одухотворен личностно.

«Русская традиция» написания истории социологии, по словам Голосенко, решала несколько важных для общей социологии и ее истории вопросов.

1. Время и причины возникновения научной социологии.
2. Предмет и теоретико-методологические особенности социологии, ее междисциплинарные связи со смежными гуманитарными науками.
3. Фазы эволюции социологии, их особенности. Классификация школ и направлений. Главный вектор их сосуществования. Поиск субстанциональных совпадений, выработка единого корпуса понятий.
4. Прогноз «завтрашнего» дня социологии, исходя из ее нынешнего состояния и тенденций развития.
5. Место и роль русской социологии в этих процессах.
6. Применение историко-социологической концепции в преподавании социологии в высшей школе.

Раскрывая собственные концептуальные установки относительно воспроизведения истории социологии, Голосенко намечал «идеальную» схему историко-социологического исследования, которая включает в себя следующие этапы: 1) имманентное изучение идей и процессов институционализации социологии, предполагающее установление причинных связей между социальной теорией и научной практикой, логической последовательности идей во времени, систематизацию материала по «направлениям», «школам», «традициям»; 2) исследование социальной структуры определенной эпохи, основных социальных групп, классов, их соотношения, психологии и идеологии с целью установления социального смысла идей, того, что Г.В. Плеханов называл «социологическим эквивалентом мысли»; 3) выявление связи между творческой эволюцией, биографией ученого и общественными идеями.

Пространственно-временные границы объекта исследования ученого являются довольно четкими: речь идет о России конца XIX – начала XX вв. Реформы 1860-х гг. открыли в массовой печати процесс бурного обсуждения различных, как их стали называть, «социальных вопросов» — аграрного, рабочего, национального, административного, женского, офицерского, квартирного и т.п. Социологи также пытались изучить многие из этих проблем, критически осмыслить опыт их разрешения в других странах — в западной Европе и Америке. Главный вопрос, который ставил И. Голосенко, обращаясь к этому огромному материалу: как именно отечественные социологи того времени пытались

познать острейшие социальные проблемы и какие пути их разрешения предлагали? Какие проблемы они стремились разрешить? Были ли они едины в своих прогнозах? Результаты этой исследовательской работы были опубликованы в виде статей или их серий в профессиональных журналах и сборниках: в «Социологических исследованиях» (1984. № 2; 1986. № 3; 1991. № 10; 1996. №№ 7, 8); «Социологическом журнале» (1994. № 4), «Вестнике академии наук» (1995. № 12), «Журнале социологии и социальной антропологии» (1999. № 3, 2000. № 3), «Российской провинции» (1995. № 2) и в сборниках — «Огюст Конт. К 200-летию со дня рождения» (1998), «Правда Столыпина» (1999); а также в альманахе «Рубеж» (1997. № 10–11), в брошюре «Российская социология проституции 1861–1917 гг.» (1997) и в книге «Социологические исследования проституции в России. История и современное состояние вопроса» (1998).

Собранные вместе, эти публикации рисуют новую картину роли социологической науки в попытках исторической модернизации России. Огромный материал убеждает в том, что отечественная социология преодолела искусственное разделение чистой теории и жизненной деятельности или действия, за которым книжная ученость (особенно этим грешат философы) обычно прячет свое бессилие перед реальностью.

И.А. Голосенко как исследователь творчества социологов русского зарубежья

Среди отечественных социологов дореволюционного времени и русского зарубежья, чье научное наследие нашло отражение в работах И.А. Голосенко, особое место принадлежит Н.С. Тимашеву и П.А. Сорокину. Анализ философско-исторических и социологических концепций Питирима Сорокина были посвящены дипломная работа, кандидатская диссертация и первая крупная научная публикация И.А. Голосенко. В 1968 г. — году смерти Питирима Александровича, впервые в нашей стране, после долгого замалчивания были защищены две кандидатские диссертации «на темы Сорокина» — одна из них И.А. Голосенко. За два года до этого в академическом журнале вышла его статья «Философия истории Питирима Сорокина» — первая статья о Сорокине в советской научной литературе (Голосенко 1968). Темы дипломной работы и кандидатской диссертации были выбраны по совету И.С. Кона и разработаны под его руководством. Он же помог И.А. Голосенко вступить в переписку с Сорокиным. Эта первая тема научных работ И.А. Голосенко вывела его на главную исследовательскую колею — историю отечественной социологической мысли. Труды и жизнь Сорокина оставались постоянной темой историко-социологических исследований И.А. Голосенко и в последующие годы его научной деятельности. Ни об одном российском социологе им не было написано столько, сколько он написал о Сорокине. И.С. Кон пишет: «В научном отношении Игорь безусловно состоялся. Его первой темой и интеллектуальной любовью был Питирим Сорокин, который даже прислал нам все свои отсутствовавшие в Ленинграде сочинения. Написанное И.А. Голосенко о Сорокине — лучше из того, что было сделано в мире. Затем его интересы распространились на всю историю русской социологии» (Кон 2002: 211).

Изучение И.А. Голосенко истории социологии по своему объекту, предмету,

методологическому подходу и приемам анализа было и является неотъемлемой частью возрождения в России, в советский период ее истории, академической социологии, развитие которой было насильственно прервано. По своему смыслу, его творчество должно было бы способствовать восстановлению национальной социологической традиции. Особенностью развития социологии в России по сравнению с национальными социологическими традициями других стран было то, что в ней произошел разрыв преемственности этапов ее развития. Следствием этого является то обстоятельство, что многие современные российские социологи не просто плохо знают историю отечественной социологии, но отрицают существование национальной социологической традиции и не идентифицируют себя с ней, не чувствуют собственной укорененности в ее истории. Социально-политические условия, в которых развивалась советская социология, были таковы, что она не только испытывала трудности на пути интеграции в мировую социологию, но и не смогла воссоединиться со своей собственной национальной традицией, которая была еще жива в лице представителей уходящего поколения русского зарубежья. Можно говорить о том, что в России социология возникла дважды, с разницей почти в столетие. В 1960-е гг. шансов преодолеть этот разрыв было больше, чем сегодня, поскольку в то время приобщение к достижениям современной мировой социологии и воссоединение с собственной национальной социологической традицией было, по сути, единой задачей; последние крупнейшие русские социологи, начавшие свою научную деятельность в дореволюционный период, были одновременно и влиятельными фигурами в мировой социологии. Этим объясняется органичность и плавность перехода И.А. Голосенко от анализа современной западной социологии — он начал писать о П.А. Сорокине как о крупнейшем представителе современной западной социологии, к дореволюционной российской социологии.

Фигура Питирима Сорокина является ключевой для историко-социологического творчества И.А. Голосенко. Она является связующим звеном в его переходе от критического анализа концепций одного из видных представителей современной западной социологии к изучению дореволюционной российской социологии. И.А. Голосенко отмечал исключительное место Сорокина в истории российской социологии: «Если из всей замечательной когорты русских социологов XX в. пришлось бы выбирать только одного, то, безусловно, выбор пал бы на П. Сорокина», — писал он (Голосенко, Козловский 1995: 233). Серьезным изъяном обширной международной литературы «на темы Сорокина» И.А. Голосенко считал то, что в ней, как правило, рассматривается только его зарубежная деятельность; исключение составляет лишь один интерпретатор концепций Сорокина — Л. Козер, который учитывает влияние «русской традиции» (Coser 1977). Работы И.А. Голосенко существенно восполняют данный пробел, и именно изучение русского периода деятельности Сорокина является его главным вкладом в международную сорокиниану. В работе «Питирим Сорокин: судьба и труды» И.А. Голосенко показал связь этапов духовной эволюции с биографией ученого. В настоящее время в мировой социологической литературе существует всего два аналитических научно-биографических исследований творчества Сорокина: одно, проведенное Б.В. Джонстоном (Johnston 1995), главный упор делает на американский период деятельности Сорокина; второе, предпринятое И.А. Голосенко, — на

российский этап (Голосенко 2002: 125). По утверждению И.А. Голосенко, научное творчество Сорокина, несмотря на сложные идейные метаморфозы, перенесенные им, едино, целостно; и «хотя русский период был почти в три раза короче американского, именно он являлся основанием этой целостности, определив многие темы, версии и направления научной работы поздних лет». При этом он отмечал, что «русский период творчества П. Сорокина важен не только там, где шло прямое наследование и переключка разных этапов его эволюции, но и там, где имело место отталкивание, преодоление им старых позиций. Оба обстоятельства определяли разные стороны его интеллектуального развития и влияния» (Голосенко, Козловский 1995: 257–258).

Следуя своим собственным концептуальным установкам относительно воспроизведения истории социологии, И.А. Голосенко первым делом выделял исходные теоретико-методологические принципы, которых придерживался Сорокин, прослеживал их эволюцию, фиксируя линии преемственности и точки разрыва, выделяя, что он сохранил, от чего и почему сам отказался. Теоретическая эволюция П. Сорокина, по описанию И.А. Голосенко, включает в себя несколько этапов и не совпадает с традиционным разделением творчества Сорокина на «русский» и «американский» периоды, каждый из которых не был однородным в теоретико-мировоззренческом отношении. И.А. Голосенко выделял три этапа в социологическом творчестве П. Сорокина: 1) позитивистско-эволюционистский — главная работа этого периода «Преступление и кара, подвиг и награда» (1913 г.); 2) бихевиористически-функционалистский — работы 1920-х гг.: «Система социологии» (1920 г.), «Социология революции» (1925 г.), «Социальная мобильность» (1927 г.), «Современные социологические теории (1928 г.); и 3) интегралистский — среди множества статей и крупных монографий этого периода особо выделяется четырехтомная «Социальная и культурная динамика» (1937–1941 гг.).

Н.С. Тимашев интересовал И. Голосенко прежде всего автор многочисленных трудов не только по теории права по социологии, но и по проблемам религии и церкви, современных идеологий и пропаганде, международных отношений и советоведению, демографии и социальной антропологии и т. п. Главной заслугой Тимашева Голосенко считал его работу «Социологическая теория: ее природа и развитие». Называя Тимашева «историографом социологической мысли», он подчеркивал его стремление к изучению множественности парадигм для приближения к идеальной цели — интегральной теории.

Топология историко-социологического пространства

Размышления социологов о социальном ландшафте современного российского общества следовало бы назвать историко-социологической топологией. Это значит, что исследование процессов, событий, институтов в нынешней России есть выделение и изучение социальных топосов, сконструированных и кодифицированных социологами. В них включается концептуальная основа, проблематика, операционализация, описание фактов и действий, самоописание и оценки респондентов, интеллектуальный продукт. Иными словами, топос — это понятийно или описательно (т.е. лишь знаково) представленный фрагмент социальной реальности. На это основание опирается методологическая установка все-

го социального конструктивизма. По сути, происходит подмена реальности топосом, который выдается за оригинал, в то время как он является своеобразным дубликатом, зеркалом социальной и культурной реальности. На первый план выступает проблема самой реальности, которая сама постоянно создается и реконструируется.

Методологическая рефлексия соотношения топоса и фрагментов реальности, как правило, исключается из рассмотрения, так как при этом признается работа с дубликатом, а не с оригиналом. Более того, социальный топос может иметь определенную степень адекватности и достоверности, что еще больше затрудняет задачу социолога. Упрощая, скажем, что понятие топоса показывает меру фантазии и мимикрии под объект. Например, рассматривая топос бедности, можно вполне обойтись без кропотливого описания, объяснения и понимания этого феномена, заменив его социальным конструктом бедности. Впрочем, возможно и противоположное. Феномен преступности или терроризма в силу своей негативности изображается казалось бы реалистически, но за этой картиной не стоит никакого сущностного представления и тем более понимания этого явления.

Вмешательство наблюдателя, независимо от его статуса, в события и процессы осуществляется при помощи его идеальных конструктов: понятийных схем, образов, оценок. Благодаря этим конструктам, которые и являются топосами реального социального и культурного пространства, формируется особый мир науки и ее истории. История социологии, как и история любой другой науки, не является исключением. История как описание состоявшихся познавательных практик, а также деятелей (актеров) этих практик, их реализовавших, составляет процесс историко-социологической топологии. В рамках последнего происходит двойное описание: с одной стороны, дается характеристика биографии, габитуса и деятельности тех, кто осуществляет познание и кодифицирует предмет своих исследований, с другой — плоды творчества, т. е. идеи, теории и т. д., так называемая филиация идей. К этому двойному описанию неизменно прямо или косвенно примыкает момент ценностной идентификации. Нахождение в системе этих трех координат: субъект, его конструкты, ценностный мир, и будет топологической схемой истории науки, в нашем случае истории социологии. Удержаться в таком топологическом пространстве оказывается настоящим искусством. И.А. Голосенко удалось не только удержаться в нем, но и создать свой тип историко-социологической топологии дореволюционной России. Эта пристрастность периоду становления российской социологии вполне объяснима. Слишком ошутим был социальный, культурный, интеллектуальный разрыв между расколотыми временами, отмеченными знаменательными революционными вехами в истории России. Этот разрыв ощущался Голосенко как трагедия российской социологии, преодолению которой он всемерно стремился содействовать.

Игорь Анатольевич был подлинным ревнителем истории отечественной социологии. Его тексты, над которыми он, преодолевая физическое недомогание, заметно торопясь, до последней минуты работал, послужат ему прекрасным памятником, ибо он был профессиональным историком российской социологической мысли. Они являются прекрасным образцом историко-социологической работы для нынешних социологов. Для него прискорбным был факт слабого знания

нашими современниками и недооценки ими достижений русских социологов, особенно в дореволюционный период, и, конечно, слабое представление о некоторых видных социологах, вынужденно оказавшихся в эмиграции. Своей культурной и патриотической задачей он считал возвращение их наследия в интеллектуальную среду, в научный оборот в России.

Сам Игорь Анатольевич преданно служил науке, которую он понимал классически. Он радовался возрождению социологии на правах законного направления и в науке, и в образовании, и в культуре. Ежедневная работа за письменным столом, испещренные его почерком страницы рукописей (он предпочитал писать, а не печатать), редкие прогулки — таков был его рабочий ритм. Он охотно преподавал, общался со студентами и слушателями на любимые социологические темы. Его обширное наследие, накопленное за последние сорок лет, несомненно, найдет заинтересованных читателей. Его имя останется в истории российской науки и культуры.

Социологическая ретроспектива дореволюционного российского общества, представленная Голосенко, является блестящим историко-социологическим топосом отечественной культуры. Это замечательно подмеченная особенность национальной науки, обнаруживается она и в истории социологии. Во-первых, отечественные социологи азартно набрасывались на исследование наболевших социальных вопросов как с теоретических, так и эмпирических позиций, постоянно сравнивали полученные знания с соответствующими разработками за рубежом. Во-вторых, и это принципиально важно, русские социологи не замыкались в академической «башне из слоновой кости», их увлекала возможность «помочь народу» добытыми знаниями. Отсюда настойчивая апелляция к общественному мнению, выпуск журналов, специализирующихся по тому или иному социальному вопросу, участие в серии «социальных опытов», обращение в Государственную Думу в парламентскую фазу нашей истории с предложениями о должных реформах той или иной сферы общественной жизни.

Голосенко был очарован практически всем, что дала дореволюционная российская социология. История социологии советского периода гораздо меньше привлекала его внимание, ибо он считал ее развивавшейся не автономно, под гнетом идеологии, и потому не органично. Свою роль он видел в реабилитации социологии как подлинной науки. Именно такой она предстала в его аналитических и библиографических трудах. Терпимо относясь к любым штудиям по истории русской социологии, он был нетерпим к искажениям, ложным обобщениям, заниженным оценкам достижений отечественных ученых.

Литература

Голосенко И.А. Философия истории Питирима Сорокина // Новая и новейшая история. 1966. № 4.

Голосенко И.А. Социология Питирима Сорокина: русский период деятельности. Самара: Социологический центр «Социо», 1992.

Голосенко И.А. Социологическая литература России второй половины XIX — начала XX вв.: Библиографический указатель. М.: Онега, 1995.

Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX — начала XX вв. М.: Онега, 1995. Гл. 9.

Голосенко И.А. Социологическая ретроспектива дореволюционной России: Избранные сочинения: В 2-х книгах / Под ред. В.В. Козловского. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2002.

Голосенко И.А. Социология Питирима Сорокина: русский период деятельности. Самара: Социологический центр «Социо», 1992.

Кон И.С. Памяти И.А. Голосенко // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 1.

Из эпистолярного наследия Питирима Сорокина: Переписка с И.А. Голосенко // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 1.

Сапов В.В. П.А. Сорокин: российский период творчества // История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 1. М.: Канон, 1997.

Социологическая мысль в России / Под ред. Б.А. Чагина. Л.: Наука, 1978. Гл. 1, 7, 8, 11.

Coser L. Masters of Sociological Thought. NY, 1977. Pp. 493-501.

Johnston B.V. Pitirim A. Sorokin: An Intellectual Biography. Lawrence, Kansas: Univ. press of Kansas, 1995.

И.А. Голосенко: биографическая справка

Игорь Анатольевич Голосенко (23.04.1938–14.12.2001) родился в г. Минеральные Воды в семье офицера. После окончания войны семья вслед за летным полком отца переезжала в Таллинн, Калининград, Ригу и в 1951 г. оказалась в Ленинграде, где отец стал преподавателем Военно-морской академии. После окончания средней школы в 1956 г. И.А. Голосенко работал шофером в Военно-морской академии и электромонтером на заводе «Электроаппарат». В 1959 г. поступил в Ленинградский государственный университет, на философский факультет. В декабре 1961 г. побывал в Венгрии в составе студенческой делегации. После окончания университета с отличием в 1963 г. был принят ассистентом на кафедру философии Ленинградского института водного транспорта (ЛИВТ). В 1968 г. защитил кандидатскую диссертацию по философии «Критика философско-исторических и социологических концепций Питирима Сорокина». С 1970 по 1975 гг. работал младшим научным сотрудником Института философии АН СССР. После его расформирования вернулся в ЛИВТ, где вскоре был избран на должность доцента (1976 г.). В 1982 г. защитил докторскую диссертацию по философии на тему «Буржуазная социология в России на рубеже двух веков» и возглавил кафедру философии. В 1986 г. получил звание профессора. В ноябре 1989 г. перешел в Институт социологии АН СССР (Ленинградский филиал) на должность ведущего научного сотрудника, с 1998 г. — главный научный сотрудник. В институте руководил группой общих проблем социологии, впоследствии возглавлял группу (сектор) истории российской социологии. В 1994 г. был избран академиком Академии Гуманитарных Наук.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ И.А. ГОЛОСЕНКО

1. Вопросы критики буржуазной социологии в курсе марксистско-ленинской философии // Вопросы марксистско-ленинской теории и коммунистического воспитания. Л.: Тип. ЛИВТа, 1964.

2. Американский социолог о проблеме войны и мира // *Мировая экономика и международные отношения*. 1964. № 4.
3. В поисках новых путей // *Вопросы философии*. 1966. № 4.
4. Философия истории Питирима Сорокина // *Новая и новейшая история*. 1966. № 4.
5. Рецензия: П. Сорокин. Сегодняшние социологические теории // *Новые книги за рубежом*. 1966. № 3.
6. Рецензия: Д. Фижмен. Политическая арена Америки // *Новые книги за рубежом*. 1967. № 4.
7. Критика философско-исторических и социологических концепций Питирима Сорокина. (Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук.) Л.: Тип. Полиграфмаша, 1967.
8. Критика теории «социальной стратификации» // *Вопросы марксистско-ленинской теории*. Л.: Тип. ЛИВТа, 1968.
9. Проблема ценности в современной буржуазной социологии // *Вопросы марксистско-ленинской теории*. Л.: Тип. ЛИВТа, 1969.
10. Сорокин П.А. // *Философская энциклопедия*. Т. 5. 1971.
11. Рецензия: Ф. Коулзл. Ценности в человеческом обществе // *Новые книги за рубежом*. 1971. № 5.
12. Кризис буржуазной социологии // *Наука и техника*. 1974. № 1.
13. От «кто виноват?» до «что делать?» // *Советская молодежь*. 1974. № 162.
14. Яйцеголовые // *Наука и техника*. 1975. № 4.
15. История социологии как научная проблема // *Социологические исследования*. 1976. № 1.
16. Противоречия социального статуса интеллигенции в капиталистическом обществе // *Философская мысль*. 1977. № 4. (В соавторстве) (На украинском языке.)
17. Сорокин П.А. // *Большая советская энциклопедия*. Т. 24. 1977.
18. Социологическая мысль в России / Под ред. Б.А. Чагина. Л.: Наука, 1978. Гл. 1, 7, 8, 11.
19. Процесс институционализации буржуазной социологии в России конца XIX – начала XX века // *Социологические исследования*. 1978. № 2.
20. Неокантианские идеи в буржуазной социологии России // *Философские науки*. 1979. № 2.
21. Социология Питирима Сорокина // *История буржуазной социологии первой половины XX века* // Л.: Наука, 1979.
22. Реализм и номинализм в истории буржуазной социологии // *Социологические исследования*. 1979. № 4.
23. Буржуазная социологическая теория в свете диалектики // *Проблемы диалектики*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980.
24. Сорокин П.А. // *Советский энциклопедический словарь*. М., 1980.
25. Буржуазная социология в России на рубеже двух веков. (Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук.) Л., 1980.
26. Рецензия: Ионин Л.Г. Понимающая социология // *Социологические исследования*. 1981. № 2.
27. Универсальное и национальное в немарксистской социологии // *Социологические исследования*. 1981. № 4.
28. Сорокин П.А. // *Философский энциклопедический словарь*. М., 1982.
29. Исторические судьбы идей О. Конта: трансформация позитивизма в русской социологии // *Социологические исследования*. 1982. № 4.
30. Социология Питирима Сорокина // *История буржуазной социологии первой половины XX века*. Прага, 1982. (На чешском языке.)
31. Рецензия: Ионин Л.Г. Г. Зиммель – социолог // *Философские науки*. 1983. № 5.
32. Эмпирические исследования рабочего класса в немарксистской социологии России начала XX века // *Социологические исследования*. 1984. № 2.

33. Буржуазная социологическая литература России второй половины XIX – начала XX века: (Библиографический указатель). М.: Наука, 1984.
34. Методические указания по русскому языку к курсу марксистско-ленинской философии для студентов иностранцев ЛИВТа. Л.: Тип. ЛИВТа, 1984.
35. Философская подготовка аспирантов и соискателей. Л.: Тип. ЛИВТа, 1985.
36. Конструктивная типология в современной буржуазной социологии // Проблемы методологии социального познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.
37. Основоположник русской традиции историко-критического анализа социологических учений // Социологические исследования. 1985. № 3.
38. Критика современной буржуазной социологии // Спецкурсы ИПК. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.
39. Социология Питирима Сорокина // История буржуазной социологии первой половины XX века. Пекин, 1986. (На китайском языке.)
40. «Русское пьянство»: мифы и реальность // Социологические исследования. 1986. № 3.
41. Из истории буржуазной социологической мысли. М.: АН СССР, 1986.
42. Социология в дореволюционной России: (Научоведческие аспекты) // Философские науки. 1988. № 1.
43. Рецензия: Филиппов Г. Социальная организация и политическая власть // Вестник Ленинградского университета. Серия 6. Вып. 1. 1988. (В соавторстве.)
44. Рецензия: Бутенко И. Социальное познание и мир повседневности // Социологические исследования. 1988. № 4.
45. Критические очерки о современных теориях социологии. Варшава, 1988. (На польском языке.)
46. Питирим Сорокин – кто он? // Молодежь Севера. 1988. № 177.
47. Питирим Александрович Сорокин – человек и ученый (1988–1968) // Каталог выставки. Л.: БАН, 1989.
48. Реализм социологический // Краткий социологический словарь. Л.: Политиздат, 1989.
49. Номинализм социологический // Краткий социологический словарь. Л.: Политиздат, 1989.
50. Русская социология // История социологии XIX – XX веков. М.: Прогресс, 1989. (На английском языке.)
51. Сорокин П.А. // Философский энциклопедический словарь. М., 1989.
52. Социолог Агния Звоницкая // Социологические исследования. 1991. № 2. (В соавторстве с В.М. Зверевым.)
53. Питирим Сорокин: судьба и труды. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1991.
54. Идеи Ф. Тейлора в дореволюционной России // Социологические исследования. 1991. № 10.
55. Становление: ранний этап биографии П. Сорокина // Рубеж: Альманах социальных исследований. 1991. № 1.
56. П. Сорокин о русской социологии // Рейтинг. 1992. № 4. (В соавторстве с И.П. Яковлевым.)
57. «Закон поляризации» Питирима Сорокина // Рейтинг. 1992. № 5.
58. Толпа как объект социологии // Рейтинг. 1992. № 6.
59. Ошибка философа и открытие адмирала // Рейтинг. 1992. № 12.
60. Долгий путь на родину // Рейтинг. 1992. № 14.
61. Мода с точки зрения социологии // Рейтинг. 1992. № 15.
62. Материалы о П. Сорокине (переписка, некрологи) // Рубеж: Альманах социальных исследований. 1992. № 4.
63. Огюст Конт и его наследие // Гамбург: Гамбургский институт социологии, 1992. (На немецком языке.)
64. Социология в дореволюционной России // Гамбург: Гамбургский институт социологии, 1992. (На немецком языке.)

65. Преподавание социологии: историческая справка и вариант курса // Социологические исследования. 1992. № 8.
66. Социология Питирима Сорокина: русский период деятельности. Самара: Социологический центр «Социо», 1992.
67. Социология на неокантианской почве: Б.А. Кистяковский и В.М. Хвостов // Российская социология. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993.
68. Несколько слов о книге Н. Новикова «Социология в России» // Российская социология. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993.
69. В.О. Ключевский: историк и социолог // Социологические исследования. 1993. № 9.
70. Учебные программы по социологии в России конца XIX века // СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993.
71. Преподавание социологии в России // СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993.
72. «Великое искусство» Раймонда Луллия // Школа гуманитарных наук, 1994.
73. Столыпинская реформа и социология Огюста Конта // Социологические исследования. 1994. № 4.
74. Социологический словарь // Социологические исследования. 1994. № 4.
75. Письма Питирима Сорокина // Социологические исследования. 1995. № 5.
76. Нищие любят большие города, может потому, что они любят нищих // Час Пик. 1995. № 24.
77. Социология в дореволюционной России // Гамбург: Гамбургский институт социологии, 1995. (На немецком языке.)
78. Идеи Конта в историческом аспекте // Гамбург: Гамбургский институт социологии, 1995. (На немецком языке.)
79. История русской социологии XIX – начала XX вв. М.: Онега, 1995. (В соавторстве с В.В. Козловским.)
80. Социологическая литература России второй половины XIX – начала XX вв.: Библиографический указатель. М.: Онега, 1995.
81. Нищета и нищенство // Российская провинция. 1995. № 2.
82. К портрету русского социолога // Рубеж: Альманах социальных исследований. 1995. № 6-7.
83. Столыпинская реформа и социология О. Конта // Вестник Академии наук. 1995. № 12.
84. Историко-социологические взгляды Н. Кареева // Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996.
85. Системный анализ в творчестве П. Сорокина // Социально-политический журнал. 1996. № 1, 2.
86. М.М. Ковалевский как человек // Изд-во СПбГУ, 1996. (В соавторстве.)
87. Рецензия: К. Муздыбаев. Динамика уровня жизни в Петербурге. 1992–1994. СПб.: Смарт, 1995. // Социологический журнал. 1996. № 1-2.
88. Максим Ковалевский о проблеме университетского гуманитарного образования // Изд-во СПбГУ.
89. Нищенство как социальная проблема // Социологические исследования. 1996. № 7, 8.
90. Персоналии // Социологические исследования. 1996. № 9.
91. Российская социология накануне XXI века: достижения и дефекты // Социологическое обозрение. 1996. № 4. (На немецком языке.)
92. Русский аграрный вопрос и род Столыпиных // Русская мысль. 1996. № 4154, 4155.
93. Российская социология проституции (1861 – 1917). СПб.: СПбФ ИС РАН, 1997.
94. Идеи Макса Вебера в России 20-х годов // Макс Вебер, прочитанный сегодня / Под ред. Р.П. Шпаковой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997.
95. Проблема кризиса общества и культуры в социологии П. Сорокина // Российская социология: Историко-социологические очерки. М.: РГГУ, 1997.
96. Русская дореволюционная социология о феномене проституции // Рубеж. Альманах социальных исследований. 1997. № 10–11.

97. Социология проституции в Советской России 20-х – начала 30-х годов // СПб.: Изд-во «Алетейя», 1997.
98. Сочинения зарубежных социологов в русской печати середины XIX – начала XX вв. Библиографический указатель. СПб.: СПбФ ИС РАН, 1997. (В соавторстве.)
99. От редактора // Зверев В.М. Социологическое прочтение философских идей России XVIII века: контент-анализ. СПб.: Изд-во РГХИ, 1998.
100. Персоналии: Б. Кистяковский, В. Хвостов, А. Гурвич // Социологические исследования. 1998. № 1.
101. Некоторые из последних писем четы Сорокиных на родину // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 1.
102. Военная социология в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 2.
103. «Жрицы любви» всегда были несчастными // Новости Петербурга. 1998. № 20.
104. Работнички «рукотворного» промысла. Нищие в Петербурге // Новости Петербурга. 1998. № 21.
105. Социологическое исследование проституции в России (история и современное состояние вопроса). СПб.: «Петрополис», 1998. (В соавторстве с С.И. Голодом.)
106. Культурная морфология О. Шпенглера о двойном лице России // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 3. (В соавторстве с К.Д. Султановым.)
107. Питирим Сорокин как историк социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 4.
108. Оглядываясь на Огюста Конта // Огюст Конт и современная социология: к 200-летию со дня рождения. СПб.: «Петрополис», 1998.
109. Влияние идей основоположника позитивизма на эволюцию русской социологии // Огюст Конт и современная социология: к 200-летию со дня рождения. СПб.: «Петрополис», 1998.
110. Социология О. Конта и реформа П.А. Столыпина // Огюст Конт и современная социология: к 200-летию со дня рождения. СПб.: «Петрополис», 1998.
111. Оглядываясь на Огюста Конта // Социологические исследования. 1999. № 1.
112. Феномен «русской взятки»: очерк истории отечественной социологии чиновничества // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. № 3.
113. Петр Столыпин и социология Огюста Конта // Правда Столыпиных. Первый альманах. Саратов: «Соотечественник», 1999.
114. Питирим Сорокин о внутренних нарушениях социального порядка // Социологические исследования. 2000. № 4.
115. Питирим Сорокин как историк мировой и отечественной социологии // П.А. Сорокин. О русской общественной мысли. Антология. СПб.: «Алетейя», 2000.
116. Гурвич Г.(Ж.) как социолог // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 1. (В соавторстве.)
117. Николай Тимашев как историк социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 2.
118. Социальная идентификация рядового чиновничества в России начала XX века: историко-социологический очерк // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 3.
119. Три толкования феномена бюрократии в дореволюционной социологии России // Социологический журнал. 2001. № 3.
120. Де Роберти Е.: интеллектуальный профиль // Социологические исследования. 2001. № 2.
121. Константин Тахтарев как историк социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. № 2.
122. Максим Ковалевский как историк социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. № 3.

123. Шедевр социологии русского зарубежья XX века // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. № 2.

124. «Социально-органическая» теория Д.А. Дриля и ее место в истории российской социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 4.

125. Социологическая ретроспектива дореволюционной России: Избранные сочинения: В 2-х книгах / Под ред. В.В. Козловского. СПб.: Социологическое общество им. М.М. - Ковалевского, 2002.

Классификация трудов проф. И.А. Голосенко по темам

1. История социологии как научная проблема [15; 18; 42; 124].

«Русская традиция» написания истории социологии: Н.И. Кареев [37; 84; 124], М.М. - Ковалевский [121; 124], В.М. Хвостов [124], К.М. Тахтарев [120; 124], Н.С. Тимашев [117; 124], П.А. Сорокин [56; 109; 115; 124].

Концепция истории российской социологии: теоретико-методологические основы и институционализация [18; 19; 25; 50; 64; 65; 70; 71; 79; 91].

Проблемы общей социологической теории [1; 3; 8; 9; 12; 22; 23; 27; 36; 38].

2. Разработка истории российской социологии по отдельным персоналиям и школам. Представители практически всех школ и направлений немарксистской социологии дореволюционного периода и русского зарубежья: В.Н. Майков [79], Э.К. Ватсон [79], П.Л. Лавров [79], Н.К. Михайловский [79], С.Н. Южаков [79], Н.Я. Данилевский [18], Л.И. - Мечников [79], В.О. Ключевский [69; 79], М.М. Ковалевский [86; 88; 124], Е.В. Де Роберти [119], Д.А. Дриль [123], Б.А. Кистяковский [18; 67; 79; 100], В.М. Хвостов [67; 79; 100; 124], П.И. Новгородцев [18], А.С. Звоницкая [18; 52], П.А. Сорокин [4; 5; 7; 18; 21; 53; 55; 56; 57; 66; 79; 85; 95; 107; 114; 115; 122; 124], Г. Гурвич [100; 116] и др. Неокантианство [20].

Идеи зарубежных социологов в российской социологии: О. Конт [29; 63; 73; 78; 83; 108; 109; 110; 111; 113; 114] и М. Вебер [94], и о России: О. Шпенглер [106].

3. Разработка истории российской социологии по отдельным проблемным направлениям:

1) рабочий вопрос [32; 54; 124];

2) земельный вопрос [73; 83; 92; 113; 124];

3) проблема алкоголизации населения [40; 124];

4) социология бедности [89; 124];

5) социология проституции [93; 96; 97; 105; 124];

6) социология власти и бюрократии [112; 118; 124].

4. Библиографии [33; 66; 80; 98], архивные материалы [62; 66; 75; 101].

5. Рецензии на работы зарубежных и отечественных социологов [5; 6; 11; 26; 31; 43; 44; 68; 87; 102].

Статьи в словарях и энциклопедиях [10; 17; 24; 28; 48; 49; 51].